

© 2020 г. А. А. СИДОРОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АЛЬЯНС: США И ТИХООКЕАНСКИЙ ПАКТ 1949–1951 годов

Сидоров Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: aas107@mail.ru

Аннотация. Важным компонентом внешней политики США после Второй мировой войны было формирование региональных механизмов обеспечения безопасности в разных частях мира. О создании Организации Североатлантического договора (НАТО) в качестве центрального элемента американской стратегии сдерживания Советского Союза во время «холодной войны» написано немало трудов. Но вопрос о том, почему не появилась подобная организация в Восточной Азии, так и не получил однозначного ответа. В статье рассматривается выдвижение и провал инициативы по образованию Тихоокеанского пакта в 1949–1951 гг. Первоначально он был предложен президентом Филиппин Э. Кирино в качестве военного альянса всех антикоммунистических стран Азии во главе с США. Соединенные Штаты поначалу демонстрировали незаинтересованность в предложении о создании Тихоокеанского пакта, опасаясь участия в нем Южной Кореи и Тайваня, но позже предложили свой план, который был отклонен. Проведенный анализ показывает, что в действительности по крайней мере до начала 1950-х годов американские политики не желали формировать какой-либо многосторонний военный альянс на Тихом океане. Изучение причин, почему провалился американский проект Тихоокеанского пакта, помогает прояснить происхождение нескольких договоров по безопасности, которые затем сформировали так называемую сан-францисскую систему. В статье также дается объяснение, почему послевоенные соглашения по обеспечению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием США не приняли форму многостороннего союза по типу НАТО.

Ключевые слова: Тихоокеанский пакт, «холодная война», внешняя политика США, Азиатско-Тихоокеанский регион, Э. Кирино, Дж. Ф. Даллес.

A. A. Sidorov

Frustrated Alliance: The United States and the Pacific Pact, 1949–1951

Andrey Sidorov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: aas107@mail.ru

Abstract. An important component of the United States' foreign policy after World War II was the creation of regional security arrangements in many parts of the world. Much has been written about the establishment of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) as a key element in the U.S. strategy of containment of the Soviet power during the Cold War. But why was there no NATO in the East Asia? This paper examines the rise and fall of the initiative to create a Pacific Pact in 1949–1951. It was originally proposed by President E. Quirino of the Philipphines as a military alliance of all anti-Communist Asian countries headed by the USA. The United States at first expressed disinterest in the Pacific pact proposals fearing the participation of South Korea and Taiwan but later offered its own plan, which than had been rejected. This analysis reveals that US policymakers were

not in fact unwilling to form a multilateral military alliance in the Pacific until at least the early 1950s. An examination of why American Pacific pact proposal failed helps clarify the origins of the several security treaties which than shaped so-called San Francisco System. This paper also explains why the final postwar U.S. security arrangements in the Asia-Pacific region did not take a NATO-type multilateral alliance form.

Keywords: Pacific Pact, Cold War, U. S. foreign policy, Asia-Pacific region, E. Quirino, J. F. Dulles.

На протяжении почти полувека, с окончания Второй мировой войны и до начала 1990-х годов, развитие международных отношений характеризовалось жестким противостоянием Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, предлагавших миру альтернативные модели общественно-политического развития. В последнее время отошедшая было на второй план проблематика «холодной войны» вновь стала обретать былое значение в связи с усилившейся конфронтацией в российско-американских отношениях и неопределенностью перспектив создания нового мирового порядка. Стремление двух супердержав укрепить свои позиции на мировой арене привело к созданию сети военно-политических союзов в разных регионах мира. Сама «холодная война», как точно подметил гарвардский профессор Стивен Уолт, являлась во многом «борьбой за союзников»¹. Наибольшее число военных и полумвоенных альянсов было сформировано по инициативе и под руководством США, которые, отойдя от традиции изоляционизма, приняли на себя роль лидера «свободного мира» перед лицом глобальной угрозы «распространения коммунизма». Несущей конструкцией в «архитектуре сдерживания» стал образованный 4 апреля 1949 г. без преувеличения величайший военно-политический союз в истории человечества — Организация Североатлантического договора (НАТО), — объединивший США, Канаду и несколько стран Западной Европы.

В отечественной и зарубежной историографии существует немало исследований, посвященных НАТО. Гораздо менее известен тот факт, что в то же самое время на противоположной оконечности евро-азиатского континента предпринимались попытки создания своего рода «азиатского НАТО» — Тихоокеанского пакта, который должен был строиться по образу и подобию североатлантического блока и также выполнять задачи по «сдерживанию коммунизма», но уже на Дальнем Востоке. В научной литературе он упоминался в основном либо в качестве вехи на пути к Тихоокеанскому пакту безопасности (АНЗЮС), либо в связи с изложением внешней политики США или Великобритании в Восточной Азии². Несмотря на появившиеся в середине 1950-х годов «азиатские» блоки — Организацию Центрального договора (СЕНТО) и Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), — вопрос о том, почему не сложилось НАТО на Дальнем Востоке, продолжает привлекать внимание исследователей³.

¹ *Walt S. M.* The Origins of Alliances. Ithaca, 1987, p. 3.

² См. *Воронцов В. Б.* Тихоокеанская политика США 1941–1950. М., 1967; *Mabon D. W.* Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951. — *Pacific Historical Review*, May 1988; *Cha V. D.* Power-play: Origins of the U. S. Alliance System in Asia. — *International Security*, Winter 2009/10; *Junghyun Park.* Frustrated Alignment! The Pacific Pact Proposals from 1949 to 1954 and South Korea-Taiwan Relations. — *International Journal of Asian Studies*, 2015, № 2; *Kelly A.* ANZUS and the Early Cold War: Strategy and Diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956. Cambridge (UK), 2018; *Thompson S.* The United States and Southeast Asian Regionalism: Collective Security and Economic Development, 1945–1975. New York, 2019.

³ *Acharya A.* Why Is There No NATO in Asia? The Normative Origins of Asian Multilateralism. Weatherhead Center for International Affairs. Working Paper № 05-05. — https://wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/1049_why_no_asian_nato_final.pdf (дата обращения 25.10.2019); *Hemmer Ch., Katzenstein P. J.* Why is there no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. — *International Organization*, Summer 2002; *Kai He, Huiyun Feng.* Why is there no NATO in Asia? Revisited: Prospect Theory, Balance of Threat, and US Alliance Strategies. — *European Journal of International Relations*, June 2012.

Семидесятилетний юбилей Североатлантического договора и грядущая годовщина начала Корейской войны, думается, являются достаточным поводом для того, чтобы еще раз обратиться к данной теме. Изучение выдвижения и провала планов образования Тихоокеанского пакта помогает лучше понять происхождение «сан-францисской системы», которая и по сей день влияет на расклад сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

* * *

Идея создания определенного механизма по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке появилась еще до Второй мировой войны. В конце 1933 г. ее высказал советский нарком по иностранным делам М. М. Литвинов в беседе с первым американским послом в Москве Уильямом Буллитом, предложив подписать договор о ненападении между СССР, США, Китаем и Японией. Весной 1934 г. Буллит сообщил, что президент Франклин Д. Рузвельт в целом не против заключения многостороннего пакта о ненападении, но предлагает включить в его состав еще Великобританию, Францию и Голландию. Однако дальше слов его администрация не пошла. Англичане также заняли уклончивую позицию⁴. В 1937 г. с предложением подписать региональный пакт о ненападении к Вашингтону и Лондону обратилась Австралия, но и ее усилия оказались тщетными⁵.

Ярым сторонником пакта был австралийский министр иностранных дел Герберт В. Эватт. Еще в военные годы он продвигал проект создания совместной с США и Новой Зеландией системы обороны в южной части Тихого океана⁶. В январе 1944 г. по его инициативе был подписан австрало-новозеландский договор (ANZAC), в котором подчеркивалась необходимость образования оборонительной зоны по островам к северу и северо-востоку от Зеленого континента и учреждения международной организации стран тихоокеанского бассейна⁷. Но стремление британских доминионов поучаствовать в решении политических проблем послевоенного устройства региона не нашло поддержки в Государственном департаменте США, тогдашний глава которого, Корделл Хэлл, в шутку назвал данное соглашение «доктриной Монро для южной части Тихого океана»⁸.

После войны, сознавая, что Великобритания утратила свое бывшее положение в мире, Австралия стала напрямую искать пути сближения с США, с которыми у нее в ту пору имелись глубокие разногласия по поводу восстановления экономической мощи Японии и судьбы ее бывших подмандатных территорий. Эватт немало сожалел о том, что Вашингтон не хочет предоставить Австралии и Новой Зеландии возможность внести свой вклад в строительство послевоенного порядка на Дальнем Востоке⁹. Отстаивая идею «жесткого» мира с Японией, в 1946 г. он выступил с инициативой заключить пакт о коллективной безопасности, участниками которого должны

⁴ История дипломатии. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. Под ред. А. А. Громько и др., изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1965, с. 667.

⁵ *Press-Barnathan G.* Organizing the World: The United States and Regional Cooperation in Asia and Europe (Studies in International Relations), 1st Edition. New York, 2003, p. 37.

⁶ См. *Barclay G. St. J.* Australia Looks to America: The Wartime Relationship, 1939–1942. — *Pacific Historical Review*, 1977, № 3.

⁷ *Малаховский К. В.* История Австралии. М., 1980, с. 216–217.

⁸ The Minister in Australia (Johnson) to the Secretary of State. Canberra, January 22, 1944. — U. S. Department of State, Foreign Relations of the United States (далее — FRUS): The British of Commonwealth and Europe, 1944. Washington (DC), 1944, p. 176.

⁹ См. *Hogan A.* Moving in Open Daylight: Doc Evatt, an Australian at the United Nations. Sydney, 2008, p. 5–20.

были стать все государства, воевавшие против нее или пострадавшие от ее действий. Свой план он неоднократно обсуждал с поверенным в делах США в Канберре Джоном Минтером¹⁰. Однако американское правительство не желало нарушать сложившийся после войны баланс сил на Дальнем Востоке и намеревалось обеспечивать стабильность в регионе посредством механизмов ООН¹¹. 25 апреля 1946 г. исполнявший обязанности госсекретаря Дин Ачесон сообщил послу США в Лондоне, что Госдепартамент считает создание какого-либо регионального механизма обороны «преждевременным» и «нецелесообразным»¹².

Находившаяся в первые послевоенные годы у власти в Америке администрация президента Гарри Ш. Трумэна во внешнеполитических вопросах придерживалась вильсоновских взглядов, т.е. была проникнута идеями американского лидерства и не признавала раздела мира на сферы влияния. Она стремилась завершить начатый при Рузвельте процесс создания глобальных международных институтов, таких как ООН, МВФ, МБРР, фундамент которых был заложен еще в военные годы. В региональном разрезе вновь обретенный глобализм предполагал не просто присутствие США в критически важных для них регионах, но и контроль над происходящими там событиями. Вашингтон выстроил следующую шкалу приоритетов: сначала Европа, затем Ближний Восток, Северо-Западная Африка, Латинская Америка и, наконец, Дальний Восток. Стратегическая важность Европы определялась не только местом, которое она исторически занимала в мировой политической системе, но и новым характером угроз американской безопасности. Именно здесь противостояние США и СССР легко могло перейти в прямое военное столкновение.

На Дальнем Востоке их взаимоотношения складывались иначе. С международно-правовой точки зрения они определялись соглашением, заключенным на Крымской конференции в начале 1945 г. В соответствии с ним Советский Союз сохранил свое влияние во Внешней Монголии (Монгольской Народной Республике), получил Курильские острова, вернул себе южную часть Сахалина и все права в Маньчжурии, отторгнутые у России в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. (восстановление аренды Порт-Артура как военно-морской базы, интернационализация торгового порта Далянь (Дальний) с признанием преимущественных интересов в нем СССР и возобновление совместной с Китаем эксплуатации Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог)¹³. Соединенные Штаты практически единолично оккупировали Японию, взяли на себя всю «полноту ответственности»¹⁴ за ее развитие и установили контроль над большей частью ее прежней сферы влияния в Азии и на Тихом океане. Раздираемый внутренними противоречиями Китай оставался «вещью в себе»¹⁵ и мало кто в мире в то время решился бы предсказать, в какую сторону качнется там политический маятник. Война подкосила мощь европейских колониальных держав, являвшихся прежде серьезными игроками на региональной арене.

В силу своей удаленности и неопределенности перспектив развития Восточная Азия не представляла тогда большого интереса для США ни с экономической, ни

¹⁰ The Chargé in Australia (Minter) to the Secretary of State. Canberra, April 13, 1946. – FRUS, 1946: The British of Commonwealth, Western and Central Europe, p. 28.

¹¹ Thompson S. Op. cit., p. 2.

¹² The Acting Secretary of State to the Ambassador in the United Kingdom (Harriman). Washington, April 27, 1946. – FRUS, 1946: The British Commonwealth, Western and Central Europe, p. 34.

¹³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984, с. 254–255.

¹⁴ Kennan G. Memoirs, 1925–1950. Boston, 1967, p. 388.

¹⁵ Kai He, Huiyun Feng. Op. cit., p. 238.

с военной точки зрения. В отличие от поделенной на зоны Германии, ставшей «яблоком раздора» между бывшими союзниками, американцы единолично управляли Японией, создали проект ее конституции, провели экономические реформы и т.д.¹⁶ Хотя формально оккупация Японии служила цели предотвращения ее ремилитаризации, фактически она усиливала позиции США в Северо-Восточной Азии. По сравнению с Европой, где «советская угроза» буквально довлела над администрацией Трумэна, на Дальнем Востоке Вашингтон предпочитал сохранять статус-кво. В августе 1947 г. Объединенный комитет военного планирования сделал вывод о том, «завоевание Советским Союзом... Азии обеспечит ему мало военных преимуществ и существенно не увеличит его общий военный потенциал»¹⁷. В Госдепартаменте знали, что советское руководство тоже не стремится к конфронтации в Азии. Решительно отстаивая свои интересы в Европе, Москва не желала создавать «второй фронт» в Азии и даже шла на некоторые уступки по «периферийным» вопросам, согласившись на вывод советских войск из Ирана, Маньчжурии и Кореи¹⁸.

Учитывая расстановку сил на дальневосточном театре, вашингтонские стратеги не считали нужным создавать здесь мощный противовес СССР, ожидая исхода гражданской войны в Китае. Поскольку основным средством проецирования американской мощи в регионе были морские и воздушные силы, то ключевым условием закрепления присутствия Соединенных Штатов в Восточной Азии и устранения возможности появления там нового гегемона являлось установление полного контроля над островными и прибрежными территориями. К такому выводу еще летом 1945 г. пришли эксперты Объединенного комитета военного планирования, предлагавшие образовать «барьер» из военных баз, размещенных на островах вдоль азиатского побережья Тихого океана¹⁹. В начале 1948 г. эта идея легла в основу концепции «тихоокеанского оборонительного периметра», разработанной Отделом планирования внешней политики Госдепа, который в ту пору возглавлял идейный вдохновитель стратегии «сдерживания» Джордж Кеннан. Суть ее состояла в том, что США следует не размещать вооруженные силы на материке, а, полагаясь на свою авиацию и флот, провести оборонительную линию по островам от Японии до Филиппин. Идея получила одобрение Объединенного комитета начальников штабов, ЦРУ и других ведомств, причастных к выработке внешней политики²⁰. Она нашла отражение в директиве СНБ-20, подготовленной Советом национальной безопасности в ноябре 1948 г., и год спустя получила дальнейшее развитие в директиве СНБ-48.

При явном нежелании администрации Трумэна нарушать сложившееся на Дальнем Востоке равновесие и втягиваться во внутривосточные конфликты в азиатских странах неудивительно, что Госдепартамент последовательно отклонял все попытки Г. Эватта обсудить вопрос о заключении регионального оборонительного пакта с участием США. Заняв в 1948 г. пост председателя Генеральной Ассамблеи ООН, он продолжил свои усилия в этом направлении, но на сей раз не нашел поддержки даже в соседней Новой Зеландии. Ее правительство в лице премьер-министра Питера

¹⁶ См. Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007, с. 256–270.

¹⁷ Цит. по Gaddis J. L. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. New York, 1987, p. 78.

¹⁸ Zhijua Sh. Sino-Soviet Relations and the Origins of the Korean War: Stalin's Strategic Goals in the Far East. — Journal of Cold War Studies, 2000, № 2, p. 45–51.

¹⁹ McIntyre W. D. Background to the ANZUS Pact: Policy-Making, Strategy and Diplomacy, 1945–1955. New York, 1995, p. 91–96.

²⁰ Gaddis J. L. Op. cit., p. 74.

Фрейзера выступало за создание тихоокеанской версии НАТО, но непременно с участием Великобритании²¹. В январе 1949 г. Фрейзер заявил, что при возникновении реальной угрозы «демократические страны Тихого океана объединятся», но пока еще время для такого шага не пришло²².

Ссылка на Великобританию не была случайной. Лондон занимал весьма осторожную позицию во всем, что касалось Тихоокеанского пакта. Не возражая против формирования некой системы безопасности на Дальнем Востоке в будущем, английское правительство предпочитало сосредоточиться на строительстве военно-политического альянса в Европе. Весной – летом 1949 г. в британском Министерстве иностранных дел был проведен тщательный анализ ситуации в Юго-Восточной Азии, которая определялась как район, простиравшийся от Афганистана до Индокитая и от Индонезии до Филиппин. В итоге был сделан вывод о том, что хотя «советская угроза» региону является реальной, но она не представляет непосредственно военную проблему. Главная опасность состояла в распространении коммунистической идеологии, обладавшей огромным потенциалом для подрывной деятельности. Экономическая помощь со стороны США, несмотря на ее объемы, не смогла предотвратить поражение гоминдановского режима в Китае. Кроме того, американцам не хватало опыта взаимодействия с азиатскими странами²³. Отсюда следовало, что Великобритания должна играть ведущую роль в сплочении государств Юго-Восточной Азии и развитии экономического сотрудничества между ними, что позволит создать «единый фронт против советской экспансии в этом регионе»²⁴.

В начале апреля 1949 г. министр иностранных дел Эрнест Бевин представил госсекретарю Дину Ачесону свои соображения по поводу положения дел в Восточной Азии во время их встречи в Вашингтоне, куда он прибыл для подписания Североатлантического договора. Бевин говорил о создании «своего рода конференции Юго-Восточной Азии», для того чтобы англоговорящие тихоокеанские державы канализировали экономическую помощь и политическую поддержку азиатским странам, которым «угрожали» Китай, СССР или коммунизм. Он подчеркивал, что такая организация должна отличаться от военного альянса, хотя и не исключал возможности ограниченного обсуждения в ее рамках вопросов безопасности²⁵. Однако любой пакт, построенный по образцу НАТО, оказался бы, по мнению англичан, неэффективным, так как за исключением Соединенных Штатов, британских доминионов и Филиппин регион не был объединен ни общими задачами, ни общими ценностями.

Тем не менее усилия западных держав по созданию североатлантического блока вызвали живой интерес правящих кругов ряда азиатских стран. На проходившей 20–23 января 1949 г. в Дели конференции государств Азии и Ближнего Востока филиппинский посол в ООН Карлос Ромуло выступил с инициативой образования «могущественной постоянной организации азиатских стран для охраны Дальнего Востока от коммунизма или другой иностранной идеологии»²⁶. 28 февраля в газете «Manila Bulletin» прозвучал призыв к руководству стран Юго-Восточной Азии после изучения

²¹ Fraser to Duff, 6 July 1948. — Documents on New Zealand External Relations. V. III. The ANZUS Pact and the Treaty of Peace with Japan. Wellington, 1985, p. 477–478.

²² Kelly A. Op. cit., p. 52.

²³ Ovendale R. Britain and the Cold War in Asia. — The Foreign Policy of the British Labour Governments, 1945–1951. Leicester, 1984, p. 128–132.

²⁴ The British Secretary for Foreign Affairs (Bevin) to the Secretary of State. — FRUS, 1949. The Far East and Australasia (in two parts), v. VII, pt. 2. Washington (DC), 1976, p. 1137.

²⁵ Memorandum of Conversation, by Mr. Jacob D. Beam, Acting Special Assistant in the Office of German and Austrian Affairs. Washington, April 4, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1139.

²⁶ Asians Urged to Form Bloc Against Agression. — The Argus (Melbourne), January 21, 1949, p. 1. — <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/1717692> (дата обращения 25.10.2019). Участниками конференции были Афганистан, Австралия, Бирма, Цейлон, Египет, Эфиопия, Индия, Ирак, Иран,

содержания будущего Североатлантического договора обсудить его положения применительно к зоне Тихого океана²⁷. 20 марта, т.е. через два дня после публикации проекта договора о НАТО, президент Филиппин Эльпидио Кирино в интервью для прессы горячо поддержал идею создания Тихоокеанского пакта. По его мнению, пакт должен объединить все некоммунистические государства Восточной Азии и бассейна Тихого океана во главе с Соединенными Штатами. В беседе с поверенным в делах США в Маниле Томасом Локеттом он объяснил свою позицию тем, «что моральный и экономический хаос, охвативший многие страны Дальнего Востока, невозможно преодолеть без сильного морального и экономического лидерства», и просил Вашингтон поддержать его²⁸.

Администрация Трумэна оказалась в непростой ситуации. Долгое время Филиппины были по существу колонией США и даже после обретения в июле 1946 г. суверенитета продолжали сильно зависеть от них. 14 марта 1947 г. между двумя странами был подписан договор о размещении на филиппинской территории американских военных баз. Он стал первым военным соглашением, которое Вашингтон заключил в Азии. Однако внутриполитическая обстановка на Филиппинах оставалась чрезвычайно сложной. На фоне экономической разрухи и падения уровня жизни населения страну захлестнула волна стачек и крестьянских волнений. Кирино, занявший пост президента в апреле 1948 г. после смерти своего предшественника, силой подавлял любые антиправительственные выступления²⁹. Выдвигая идею пакта, он, как полагали американские дипломаты в Маниле, хотел добиться увеличения военной помощи США в преддверии намеченных на осень 1949 г. президентских выборов и отвлечь внимание избирателей от коррупции в своем кабинете. Кроме того, Филиппины, наряду с Австралией и Новой Зеландией, опасались возрождения японского милитаризма. Для устранения угрозы со стороны Японии Кирино предлагал включить ее в состав участников пакта, чтобы восстановление страны «могло тщательно контролироваться и направляться», а «ее ответственность в отношении других дальневосточных стран возрастала»³⁰.

23 марта филиппинский посол в США Хоакин Элизальде встретился с директором Отдела по делам Дальнего Востока Государственного департамента Уильямом Баттервортом с целью выяснения его позиции относительно Тихоокеанского пакта. В ходе беседы американский дипломат поднял вопрос о возможном участии в нем Китая, Японии и Индонезии, а также о проблемах, которые оно создавало. Он просил Элизальде передать Кирино, что его предложение не приветствуется в Вашингтоне. 16 апреля Госдепартамент поручил послу в Маниле предупредить филиппинского президента, чтобы тот не питал иллюзий относительно поддержки пакта США³¹. Это отнюдь не означало, что американцы были противниками каких-либо международных военных структур на Дальнем Востоке. 29 марта 1949 г. Отдел политического планирования представил документ «Политика Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии», в котором обосновывалась необходимость «сдерживания» распространения советского влияния в регионе. Его

Ливан, Пакистан, Филиппины, Саудовская Аравия, Сирия, Йемен и в качестве наблюдателей — Непал, Новая Зеландия, Таиланд и Тайвань.

²⁷ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State. Manila, March 21, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1123–1124.

²⁸ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State. Manila, March 22, 1949. — Ibid., p. 1125.

²⁹ Левтонова Ю. О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979, с. 155–157.

³⁰ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State. Manila, March 24, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1126.

³¹ The Secretary of State to the Chargé in the Philippines (Lockett). Washington, April 16, 1949. — Ibid., p. 1142.

составители рекомендовали не ограничиваться соглашениями с отдельными государствами и «принять более широкую концепцию многостороннего сотрудничества, прежде всего со странами Британского Содружества и Филиппинами, рассматривая ЮВА как регион» и как «часть великого полумесяца, образованного Индийским полуостровом, Австралией и Японией»³².

Помимо прочего, в Вашингтоне учитывали позицию других азиатских стран, многие из которых без энтузиазма встретили филиппинскую инициативу и стремились получить от США не военную, а экономическую помощь. Наиболее последовательным критиком идеи Тихоокеанского пакта был премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, который выступал против системы коллективной безопасности в Азии во главе с Соединенными Штатами. Он полагал, что формирование региональных военных блоков сузит «зону мира» и подтолкнет крупные державы к вмешательству во внутренние дела новых государств. Принятие предложений о «защите» со стороны западных стран, по его мнению, едва ли будет отличаться от «условий колониализма или зависимости»³³. Кроме того, Неру считал неразумным вести дискуссии о военной структуре, которые могли бы создать впечатление, что азиатские страны объединяются против СССР. Близкой позиции придерживались власти Индонезии и Таиланда. Австралия и Новая Зеландия хотели получить от США гарантии защиты своей территории, не беря на себя никаких иных обязательств и не вступая в союзнические отношения со слабыми в военном плане Филиппинами. Не найдя понимания у соседей, Ромуло смягчил формулировку своего предложения. Выступая 26 апреля 1949 г. в филиппинском университете, он намеренно акцентировал внимание на «мирном» характере предполагаемой организации, назвав ее не антикоммунистической, а некоммунистической. Но его идея все равно не нашла широкой поддержки.

Из всех азиатских лидеров идея Тихоокеанского пакта пришлась по вкусу только президенту вновь образованной Республики Корея Ли Сын Ману и главе гоминдановского правительства Китайской Республики Чан Кайши. Оба видели в нем инструмент для решения собственных проблем. Ли Сын Ман и его окружение опасались волнений внутри страны и агрессии со стороны Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) после запланированного на лето 1949 г. вывода американских войск с Корейского полуострова³⁴. Кроме того, он был крайне озабочен возможностью возрождения японского империализма и рассматривал пакт как компромисс, который мог бы предотвратить необходимость для США перевооружать Японию для борьбы с «коммунистической угрозой». Понимая, что его режим едва ли способен обеспечить безопасность Южной Кореи даже при получении американской помощи, Ли Сын Ман считал, что в «холодной войне» США должны взять на себя функции главнокомандующего, надзирающего за каждым уголком «свободного мира»³⁵. Используя дискуссию о Тихоокеанском пакте, он хотел получить от Вашингтона письменные гарантии по защите Южной Кореи.

Горячо поддержав предложение филиппинского коллеги, Ли Сын Ман не скрывал свою неудовлетворенность азиатской политикой США, полагая, что включение Южной Кореи в «оборонительный периметр» отвечало бы и их интересам³⁶. 7 мая 1949 г. он

³² Policy Planning Staff Paper on United States Policy Toward Southeast Asia. Washington, March 29, 1949. — Ibid., p. 1129.

³³ Crabb C. The Elephants and the Grass: A Study of Non-Alignment. New York, 1967, p. 67.

³⁴ Junghyun Park. Op. cit., p. 221.

³⁵ Oliver R. T. Syngman Rhee and American Involvement in Korea, 1942–1960: A Personal Narrative. Seoul, 1978, p. 310.

³⁶ Memorandum of Conversation, by the Ambassador in Korea (Muccio). Seoul, May 2, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1005.

выпустил заявление, в котором поставил вопрос о помощи со стороны американского правительства в случае нападения КНДР на его страну³⁷. Реакция Госдепартамента последовала мгновенно. Ачесон поручил американскому послу в Сеуле Джону Маккио немедленно встретиться с Ли Сын Маном и выразить ему протест по поводу «грубого нарушения обычной дипломатической этики»³⁸. Под давлением американцев южнокорейский президент пошел на попятную. В новом заявлении он уточнил, что Южная Корея хотела бы образования Тихоокеанского пакта по типу Североатлантического договора, а также получения от США гарантий по защите «единой, демократической, независимой Кореи» в соответствии с «доктриной Трумэна»³⁹. На пресс-конференции 18 мая Ачесон дал ответ. Он заявил, что НАТО стала продуктом длительного процесса осмысления, в ходе которого западноевропейские страны тщательно проработали план коллективной обороны прежде, чем обратились к США⁴⁰. Напротив, предложение о пакте расценивалось вашингтонскими стратегами как стремление навязать Америке односторонние обязательства в области безопасности и получить от нее финансовую и военную помощь⁴¹.

После недвусмысленного намека госсекретаря США в Сеуле и в Маниле чаще стали говорить о том, что инициатива создания военно-политического альянса должна исходить от стран региона. Идею поддержал Чан Кайши, режим которого, утратив доверие даже американцев, находился на грани катастрофы. В конце апреля 1949 г. Народная Освободительная армия (НОА) заняла Нанкин, а месяц спустя — Шанхай, и уже мало кто в мире сомневался в конечной победе коммунистов. Дискуссии вокруг Тихоокеанского пакта являлись для Чан Кайши, пожалуй, последней возможностью добиться создания некоего подобия системы региональной безопасности, частью которой мог бы стать его режим. 29 июня представитель генералиссимуса в Маниле известил Кирино, что патрон планирует нанести ему официальный визит и обсудить возможность сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем формате вместе с другими азиатскими странами.

Кирино дал согласие, но за неделю до приезда высокого китайского гостя публично обозначил свою позицию. 4 июля, в День независимости Филиппин, он обратился к государствам региона с призывом создать «Тихоокеанский союз, действительный союз народов Тихоокеанского бассейна... [чтобы дать возможность] его менее развитым членам оказать помощь самим себе путем сотрудничества и общей защиты так, как предусмотрено в новой смелой программе технической и материальной взаимопомощи президента Трумэна»⁴². Речь шла о знаменитом «четвертом пункте» внешнеполитической программы демократической администрации, прозвучавшей в послании президента Конгрессу 24 июня 1949 г. Сразу после выступления Кирино направил Ромуло, занимавшему тогда пост президента Генеральной Ассамблеи ООН, инструкции, в которых в общих чертах обрисовал свои намерения относительно образования такой структуры.

Будучи опытным политиком, Ромуло после беседы с Баттервортом и послом Филиппом Джессапом понял, что предстоящая встреча сильно беспокоит Вашингтон.

³⁷ The Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State. Seoul, May 7, 1949. — Ibid., p. 1011–1012.

³⁸ The Secretary of State to the Embassy in Korea. Washington, May 9, 1949. — Ibid., p. 1014.

³⁹ The Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State. Seoul, May 16, 1949. — Ibid., p. 1023–1024.

⁴⁰ Press Release by the Secretary of State, May 18, 1949. — Department of State Bulletin, May 29, 1949, p. 696.

⁴¹ Mabon D. W. Op. cit., p. 151.

⁴² Address of President Quirino on Independence Day, July 4, 1949. — <https://www.officialgazette.gov.ph/1949/07/04/address-of-president-quirino-on-independence-day/> (дата обращения 25.10.2019).

7 июля он направил в Манилу телеграмму, в которой предложил принять иную форму тихоокеанской ассоциации. Его проект вообще не касался сотрудничества с гоминдановским режимом и предполагал образование политического и экономического союза с Австралией, Новой Зеландией, Индией, Южной Кореей, Индонезией, Таиландом, Бирмой и Цейлоном. По характеру новое объединение должно было стать одновременно антикоммунистическим и антиколонияльным и вовсе не касаться военных аспектов⁴³. Включение в альянс США и европейских держав первоначально не предусматривалось. Однако, когда Ромуло провел предварительные консультации относительно своего плана с представителями перечисленных выше государств в ООН, некоторые из них откровенно признались, что для их правительств будет важно знать, какую позицию займут США.

На филиппино-китайском саммите, проходившем 10–11 июля в «летней столице Филиппин» городе Багио, Чан Кайши одобрил идею создания альянса. В опубликованном по итогам встречи кратком коммюнике отмечалось: «Мы также провели полноценное обсуждение императивов скоординированного всестороннего развития дальневосточных стран ради обеспечения их стабильности и безопасности. Принимая во внимание отсутствие тесного сотрудничества между ними в прошлом и учитывая серьезность коммунистической опасности, которая сегодня угрожает их свободе и независимости, мы считаем необходимым, чтобы однажды эти страны объединились в союз с целью укрепления солидарности и взаимопомощи для сдерживания и борьбы с этой общей угрозой»⁴⁴. Разногласия возникли по составу участников альянса. Кирино хотел включить в него все «некоммунистические» страны Азии, в том числе Японию. Чан Кайши опасался, что такой шаг еще более отдалит его от настроенного в антияпонском духе населения Китая⁴⁵. Для обсуждения путей создания союза предполагалось созвать конференцию заинтересованных в нем государств. Однако единственный положительный отклик после обнародования декларации последовал от Ли Сын Мана, считавшего саммит в Багио важным шагом к организации антикоммунистического блока и приглашавшего его участников в Южную Корею для дальнейших консультаций⁴⁶.

Действия филиппинских властей вызвали неоднозначную реакцию в Вашингтоне. Зондаж руководства Госдепартамента показал, что оно по-прежнему негативно настроено к любому региональному объединению с участием гоминдановского Китая, но благосклонно восприняло идею образования группировки стран Южной и Юго-Восточной Азии. В меморандуме, подготовленном Отделом по делам Дальнего Востока, отмечалось, что Тихоокеанский пакт обременит всех его членов «неразрешимыми военными проблемами» Чан Кайши, тогда как идея Ромуло выглядит «более перспективной». Расширение экономических и политических связей между некоммунистическими государствами Азии и бассейна Тихого океана с подключением к ним Японии имело бы, по мнению американских аналитиков, важное значение для процветания и стабильности региона. Первым шагом могла бы стать совместная работа по урегулированию ситуации в Индонезии и Индокитае, а затем развитие взаимовыгодных торговых отношений. Обанкротившийся чанкайшистский режим лишь

⁴³ Telegram to Quirino from Romulo. 7/7/49. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1164–1165.

⁴⁴ Joint statement of the President Elpidio Quirino and Generalissimo Chiang Kai-shek, issued at Baguio on July 11, 1949. Official Gazette of the Republic of the Philippines. 45:7. p. 2799. — <https://www.officialgazette.gov.ph/1949/07/11/joint-statement-of-president-quirino-and-generalissimo-chiang-kai-shek/> (дата обращения 25.10.2019).

⁴⁵ Meyer M. W. A Diplomatic History of the Philippine Republic. Hawaii, 1965, p. 144.

⁴⁶ Telegram, Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State, July 12, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1152–1153.

создавал излишние затруднения. «Наша цель, — указывалось в меморандуме, — предположительно будет состоять в том, чтобы отговорить Кирино от плана Чан Кайши и убедить его поддержать [план Ромуло]»⁴⁷.

20 июля 1949 г. Ачесон отправил в дипломатические представительства США на Дальнем Востоке специальную телеграмму, в которой подчеркнул, что «департамент рассматривает предложение Чан Кайши — Кирино о Тихоокеанском союзе прежде всего как инициативу Чана и Ли [Сын Мана], направленную на поиск дополнительных средств для обращения за американской военной помощью и влияния с этой целью на американское общественное мнение»⁴⁸. В Госдепартаменте полагали, что формальные переговоры по пакту осложняют ситуацию в Индонезии и Индокитае, особенно с учетом призывов Индии к освобождению азиатских народов от колониальной зависимости. «Помимо побочных последствий в самой Азии, — отмечалось в докладе посольства США в Москве, — план Чан Кайши — Кирино будет играть на руку Советам, которые сейчас скрупулезно исследуют каждую сферу реальных или мнимых “англо-американских противоречий”. Ничто так не обрадует Кремль, приступающий к реализации своей долгосрочной программы перестройки Азии по собственному образцу, как раскол антикоммунистической оппозиции в Азии на американский и британский блоки»⁴⁹.

Реакция западноевропейских держав на предложение Тихоокеанского союза оказалась в целом схожей с американской. Французский дипломат в Сайгоне сообщил генеральному консулу США, что Париж с интересом относился к инициативе Кирино о создании антикоммунистического союза и даже не возражал против включения в него вьетнамских представителей до тех пор, пока на сцене не появился Чан Кайши. Возможность вхождения в союз гоминдановского режима озаботило французское правительство, которое считало, что сотрудничество с ним только подтолкнет китайских коммунистов напасть на Индокитай. В Лондоне тоже внимательно следили за развитием ситуации вокруг Тихоокеанского пакта и также испытывали некоторое неудобство в связи с подключением к его обсуждению Чан Кайши. Эслер Денинг, помощник заместителя министра по делам Дальнего Востока в британском Министерстве иностранных дел, в частной беседе сказал американскому послу в Великобритании, что комбинация из «дискредитировавшего себя бывшего китайского президента, филиппинского политика с не слишком хорошей репутацией и главы ненадежного корейского государства делает предложение [о Тихоокеанском союзе] абсурдным»⁵⁰.

Кирино был обеспокоен реакцией американцев на предложенный им с Чан Кайши план. 14 июля он сказал поверенному в делах США в Маниле, что всегда рассчитывал на поддержку Вашингтона в продвижении идеи Тихоокеанского союза, который, по его словам, станет главным образом экономической, а не военной организацией⁵¹. В конце июля он поручил Ромуло созвать паназиатскую конференцию для рассмотрения регионального сотрудничества, исключив из числа ее участников гоминдановский режим⁵². 3 августа, собираясь с визитом в Вашингтон, Кирино сделал

⁴⁷ Memorandum by the Policy Information Office of the Office of Far Eastern Affairs (Fisher) to the Director of the Office (Butterworth), Secret, July 15, 1949. — Ibid., p. 1162.

⁴⁸ Telegram, Secretary of State (Acheson) to Certain Diplomatic and Consular Offices, Secret, July 20, 1949. — Ibid., p. 1170.

⁴⁹ The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State. Moscow, July 22, 1949. — Ibid., p. 1172.

⁵⁰ The Ambassador in the United Kingdom (Douglas) to the Secretary of State. London, July 26, 1949. — Ibid., p. 1176.

⁵¹ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State, Manila, July 14, 1949. — Ibid., p. 1158.

⁵² The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State, Manila, August 4, 1949. — Ibid., p. 1182–1183.

официальное заявление, из которого следовало, что основной целью Тихоокеанского пакта должно стать формирование политического и экономического альянса некоммунистических стран Юго-Восточной Азии. Дипломаты, готовившие его поездку, передали ему просьбу Ачесона не поднимать этот вопрос во время пребывания в США. Однако Кирино нарушил данное им обещание и в выступлении перед американскими законодателями горячо убеждал их в необходимости создания невоенной группировки в Азии⁵³. Но на сей раз никакого осуждения со стороны Госдепартамента не последовало. Напротив, в коммюнике по итогам визита говорилось, что Соединенные Штаты «с пониманием отнесутся к усилиям народов Азии наладить более прочные связи экономического сотрудничества и взаимопомощи»⁵⁴.

Убедив филиппинского президента изменить позицию по пакту, США вбили клин между Филиппинами, с одной стороны, Южной Кореей и гоминдановским режимом — с другой, как раз в то время, когда лидеры последних проводили двустороннюю встречу в южнокорейском портовом городе Чинхэ. Итогом двухдневных переговоров 7–8 августа 1949 г. явилась совместная декларация, в которой Ли Сын Ман и Чан Кайши подчеркивали свою приверженность идее создания азиатского союза для борьбы с коммунизмом и просили Кирино организовать конференцию для обсуждения конкретных мер по его формированию⁵⁵. Тем не менее зарождавшееся сотрудничество Южной Кореи с гоминдановским Китаем с самого начала испытывало критические «перегрузки».

29 июля Ачесон дал указание посольству США в Сеуле предупредить Ли Сын Мана, что поддержка им Тихоокеанского пакта может негативно отразиться на программе американской экономической помощи его стране при ее обсуждении в Конгрессе. «Для всех заинтересованных сторон, — отмечалось в телеграмме, — совершенно ясно, что чанкайшистский Гоминдан, далеко не позитивная сила на ДВ [Дальний Восток], представляет собой полит. и воен. обузу, которая обрекает [Тихоокеанский] союз на провал»⁵⁶. 5 августа, за два дня до приезда Чан Кайши в Южную Корею, Госдепартамент опубликовал Белую книгу под названием «Отношения Соединенных Штатов с Китаем», в которой давалась весьма негативная оценка гоминдановскому режиму⁵⁷. За день до саммита американские дипломаты посоветовали южнокорейскому лидеру воздержаться от заключения каких-либо оборонительных соглашений с Китаем или Филиппинами⁵⁸.

Во второй половине 1949 — начале 1950 г. произошло несколько событий, которые вынудили администрацию Трумэна скорректировать свое отношение к военным альянсам на Дальнем Востоке. В августе Советский Союз провел испытание своей первой атомной бомбы. Война за независимость в Индонезии завершилась поражением голландских колонизаторов. Во Вьетнаме силы военно-политического движения «Вьетминь», боровшиеся против французской колониальной администрации, впервые перешли в наступление. Но самым тревожным для США фактором стала победа коммунистов в гражданской войне в Китае, в результате которой 1 октября было объявлено о создании Китайской Народной Республики (КНР), а остатки войск и руководство Гоминдана

⁵³ The New York Times, 10.VIII.1949, p. 1.

⁵⁴ Statement on Joint Discussions on Philippine Economy. — The Department of State Bulletin. August 22, 1949, p. 277.

⁵⁵ Telegram, Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State, Priority, August 8, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1184.

⁵⁶ Telegram, Secretary of State to the Embassy in Korea, Top Secret, July 29, 1949. — Ibid., p. 1177.

⁵⁷ United States Relations with China: With Special Reference to the Period 1944–1949. Department of State publication № 3573. Washington, 1949.

⁵⁸ Telegram, Ambassador in Korea (Muccio) to the Secretary of State, Top Secret, Priority, August 3, 1949. — FRUS, 1949, v. VII, pt. 2, p. 1181–1182.

бежали на остров Тайвань. Выход на международную арену державы с населением около четверти жителей планеты кардинально менял ситуацию как в регионе, так и в мире.

Под влиянием событий в Китае в США ускорился процесс пересмотра политики на дальневосточном направлении. До сих пор она формировалась применительно к каждой стране в отдельности, но с конца 1949 г. обрела комплексный характер, при котором Восточная Азия и Тихий океан начали рассматриваться как единый регион. Новый подход нашел отражение в секретных директивах СНБ-48/1 и СНБ-48/2, утвержденных Трумэном 23 и 29 декабря соответственно. Главной целью американской политики на Дальнем Востоке отныне становилось предотвращение распространения «влияния коммунистов» на восток от азиатского материка. Для ее достижения правительству США рекомендовалось поддерживать «оборонительный периметр», использовать любые меры для усиления «разногласий между китайскими коммунистами и СССР», обеспечить безопасность Японии и оказать военную помощь Южной Корее и Тайваню⁵⁹. Изменилось их отношение и к альянсам в Азии. В СНБ-48/2 прямо говорилось о том, что Соединенные Штаты должны благожелательно относиться к усилиям азиатских лидеров по созданию региональных ассоциаций некоммунистических государств и быть готовыми оказать им поддержку⁶⁰. Но, как выяснилось, Тихоокеанский пакт не входил в их число. Когда на встрече с Трумэном в феврале 1950 г. Кирино, находившийся в Вашингтоне на лечении, вновь задал вопрос о пакте, американский президент попросил ответить Д. Ачесона. Тот холодно заметил, что «не считает целесообразным осуществление курса, который предлагает президент Кирино», и сразу с энтузиазмом заговорил о «плане Ромуло»⁶¹.

Вскоре и само филиппинское правительство получило возможность воочию убедиться в том, что идея образования Тихоокеанского союза не находит понимания и поддержки у других азиатских и тихоокеанских государств. На созванной по инициативе Манилы в конце мая 1950 г. конференции в г. Багио представители семи стран (Филиппины, Индонезия, Таиланд, Индия, Пакистан, Цейлон, Австралия) ограничились лишь обсуждением экономического и культурного сотрудничества, опустив вопросы совместной обороны и борьбы с коммунизмом. Свою неудачу с реализацией проекта создания регионального союза его инициаторы объясняли противодействием со стороны молодых государств, в первую очередь Индии. Тихоокеанский пакт, как писал американский журналист Вернер Леви, «не заинтересовал другие азиатские нации, которые не только меньше были подвержены влиянию коммунизма, но и избегали шагов, которые могли быть истолкованы как меры, направленные против Советского Союза»⁶². Госдепартамент предпринял шаги, чтобы не допустить участия в конференции делегации Южной Кореи и гоминдановского Китая⁶³. Несмотря на наметившиеся сдвиги в дальневосточной политике США, они оказались вне границ «тихоокеанского оборонительного периметра», публично очерченного Ачесоном 12 января 1950 г. в выступлении в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне⁶⁴.

⁵⁹ Memorandum by the Executive Secretary of the National Security Council (Souers) to the National Security Council. [Annex] A Report to the President by the National Security Council. NSC 48/2. The Position of the United States with Respect to Asia. Washington, December 30, 1949. — Ibid., p. 1215–1220.

⁶⁰ Ibid., p. 1216.

⁶¹ Memorandum of Conversation [Truman] [Quirino], Washington, February 4, 1950. — FRUS, 1950. V. VI. East Asia and the Pacific. Washington (DC), 1974, p. 1413.

⁶² Levi W. Union in Asia. — Far Eastern Survey, 16.VIII.1950, p. 145–146.

⁶³ The Ambassador in Korea (Muccio) to the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Rusk), Seoul, May 25, 1950. — FRUS, 1950, v. VII. Korea, p. 88.

⁶⁴ См.: Crisis in Asia — an Examination of U.S. Policy: Remarks by Secretary of State Dean Acheson. — «The Department of State Bulletin». 23 January 1950, p. 111–119.

Наметив «островную линию сдерживания», администрация Трумэна все еще питала надежду договориться с новым руководством Китая. Однако заключение 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подтвердившего выбор внешнеполитической ориентации КНР, расставило все по своим местам. Хотя договор не был направлен непосредственно против Америки, он предопределил распространение принципа «сдерживания» на Дальний Восток, что подтвердила появившаяся в апреле директива СНБ-68. Потеря Китая по-иному поставила вопрос о Японии, которая, по словам Д. Кеннана, являлась «ключом к Азии», так же как Германия была «ключом к Европе», и цель США теперь состояла в том, чтобы «завоевать Японию как союзника»⁶⁵. Еще в декабре 1948 г. штаб оккупационных войск получил указание Белого дома срочно начать реализацию плана экономической стабилизации страны. Ей выделялась солидная финансовая помощь, был аннулирован «промежуточный план» взимания с нее репараций, пересмотрен антимонопольный закон, распущена комиссия по декартелизации и т.д. Поворот в политике получил название «обратный курс», творцами которого считались банкир Джордж Додж и экономист Карл Шоуп⁶⁶.

В начале 1950 г. в Госдепартаменте была создана рабочая группа во главе с помощником госсекретаря Джоном Говардом, которая должна была выработать рекомендации по созданию региональной системы безопасности с участием Японии. «Такой подход, — писал Говард, — впервые открыл перспективы для Тихоокеанского пакта, который ранее рассматривался как противоречивший американской политике. Типом пакта, который обладал наибольшей привлекательностью, был «офшорный» Тихоокеанский пакт, который не возлагал бы на США военные обязательства в отношении азиатского материка»⁶⁷. Группа подготовила проект объединения, которое в общих чертах напоминало НАТО, включая принцип коллективной обороны, при котором нападение на одного участника автоматически считалось нападением на остальных. Членами пакта должны были стать США, Канада, Япония, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия. Однако проект не нашел понимания у руководства дипломатического ведомства.

Одним из его критиков был видный государственный деятель, главный внешнеполитический эксперт Республиканской партии Джон Фостер Даллес, 6 апреля 1950 г. назначенный «двухпартийным» советником Госдепартамента по вопросам мирного урегулирования с Японией. В принципе он не был противником региональных объединений, в том числе военных, но предлагал не спешить с их созданием. Как раз весной 1950 г. вышла в свет его книга «Война или мир», в которой он изложил свои взгляды на этот счет⁶⁸. Применительно к Дальневосточному региону Даллес выступал за «ассоциацию свободных наций Азии и Тихого океана», которая, «не была бы, по крайней мере, в начале, военным альянсом», подобным НАТО⁶⁹. В целом высказанные им мысли были созвучны положениям директивы СНБ-48/2. На состоявшейся 7 апреля встрече с Говардом и Баттервортом он отклонил проект Тихоокеанского пакта, сославшись на трудности, которые создаст включение в него одних стран и исключение других, а также на угрозу вовлечения США в войну, если СССР нападет на одного из его членов. Исходя из опыта ратификации договора о НАТО, Даллес сомневался, что

⁶⁵ Kennan G. Op. cit., p. 41.

⁶⁶ См. Nester W. R. The Reverse Course, 1947–1952. — Power across the Pacific: A Diplomatic History of American Relations with Japan. London, 1996, p. 224–260.

⁶⁷ Memorandum by the Special Assistant to the Secretary (Howard) to the Minister in France (Bohlen). Washington, March 31, 1950. — FRUS, 1950, v. VI, p. 1159.

⁶⁸ Dulles J. F. War or Peace. New York, 1950, p. 88–99.

⁶⁹ Ibid., p. 229–230.

Сенат захочет предложить Японии, своему бывшему противнику, участие в пакте на основе принципа «один за всех и все за одного», тогда как многие союзники Америки не имели таких гарантий⁷⁰.

Вспыхнувшая в конце июня 1950 г. война на разделенном Корейском полуострове возродила в азиатских столицах и в Вашингтоне интерес к Тихоокеанскому пакту. Многие политические деятели, включая Даллеса, утверждали, что нападение КНДР на Южную Корею продемонстрировало «истинную природу коммунистической угрозы», и необходимость заключения многостороннего договора для обеспечения безопасности стала очевидной. Он же, по мнению Даллеса, облегчил бы решение японского вопроса, поскольку тихоокеанские союзники тогда «смогут убедиться, что перевооружение Японии не выйдет из-под контроля и не станет угрозой»⁷¹. К концу 1950 г. Даллес и его помощник Джон Эллисон вспомнили о Тихоокеанском пакте: «Австралия и Филиппины часто проявляли заинтересованность в “Тихоокеанском пакте”, который отражал общую заинтересованность стран региона в обеспечении взаимной безопасности. При этом уже тогда было ясно, что такой “пакт” пошел бы дальше, получив их признание либерального мирного договора с Японией»⁷². Предполагалось объединить в его рамках «островные страны» — Японию, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины и, возможно, Индонезию⁷³.

Несмотря на пробуждение интереса к Тихоокеанскому пакту, Вашингтон не исключал возможность заключения двустороннего соглашения, которое обеспечило бы США контроль над японскими островами как стратегической базой для операций во всем регионе. Отправляя в конце января 1951 г. Даллеса в качестве своего посланника на Дальний Восток, Трумэн поручил ему обсудить данный вопрос с японцами. Идею пакта президент предполагал использовать в качестве способа убеждения других государств в необходимости включения Японии в региональные структуры, подчеркнув, однако, что многосторонний договор не является *quid pro quo* (то за это) американо-японского сотрудничества⁷⁴. Главной целью азиатского вояжа Даллеса являлось создание условий для заключения мирного договора с Токио. Когда на закрытом совещании членов делегации Эллисон спросил о пределах информирования японцев о предполагаемом Тихоокеанском пакте, Даллес ответил, «что мы бы не хотели болтать с ними о пакте, поскольку пока еще не знаем, будет ли реализовываться эта идея»⁷⁵.

В ходе поездки Даллес выполнил инструкции президента по согласованию условий мирного договора с главой японского правительства Сигэру Ёсида, стремившегося к более тесным связям с США и умело подводившего американцев к мысли о необходимости вступить в союзные отношения с Японией и вкладывать средства в обеспечение ее безопасности⁷⁶. Даллес в беседе с премьером заявил, что о «взаимной гарантии безопасности» ввиду слабости Японии речи быть не может. Японская сторона, в свою очередь, опасалась оказаться вовлеченной в борьбу против КНР, например,

⁷⁰ Memorandum of Conversation, by the Special Assistant to the Secretary (Howard). New York, April 7, 1950. — FRUS, 1950, v. VI, p. 1162, 1164.

⁷¹ Цит. по *Schonberger H. B. Aftermath of War: Americans and the Remaking of Japan, 1945–1952*. Kent, 1989, p. 260.

⁷² Memorandum by the Regional Planning Adviser in the Bureau of Far Eastern Affairs (Emmerson), Washington, December 12, 1950. — FRUS, 1950, v. VI, p. 1361.

⁷³ Draft of a Possible Pacific Ocean Pact, Secret, January 3, 1951. — FRUS, 1951, v. 6, p. 133.

⁷⁴ Memorandum by John Foster Dulles, Consultant to the Secretary, to the Ambassador at Large (Jessup), Secret, January 4, 1951. — Ibid., p. 134–135.

⁷⁵ Memorandum by Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, February 5, 1951, Secret. — Ibid., p. 858.

⁷⁶ *Уткин А. И. США Япония: вчера, сегодня, завтра*. М., 1990, с. 129.

в Индокитае или Корею, и посему отклонила идею пакта⁷⁷. В конечном счете договорились, что в случае нарастания «коммунистической угрозы» Япония обратится с просьбой об оставлении американских вооруженных сил на своей территории, а США благожелательно ответят на нее, что и было оформлено негласным документом 9 февраля 1951 г.

Сразу после переговоров в Токио Даллес посетил Филиппины, Австралию и Новую Зеландию с целью получить их согласие с американскими условиями мира с Японией. В Маниле он легко добился желаемого, но в Канберре, где в середине февраля прошли трехсторонние американо-австрало-новозеландские переговоры, ситуация оказалась совершенно иной. Австралийское и новозеландское правительства являлись тогда наиболее жесткими оппонентами «мягкого» договора с Японией и опасались, что реализация идеи многостороннего пакта «размостит» ответственность США за ее ремилитаризацию. На встрече с Даллесом 17 февраля 1951 г. министр иностранных дел Австралии Перси Спендер заявил: «Австралия по-прежнему опасается Японии»⁷⁸. Ему вторил новозеландский коллега Фредерик Дойдж, утверждавший, что «Япония была кошмаром для Новой Зеландии и возможность ее возрождения рассматривается с ужасом»⁷⁹. Только после обещания США оказать поддержку в случае нападения Японии их возражения, как следовало из опубликованного 18 февраля коммюнике, были сняты. Не радовала Австралию и Новую Зеландию и перспектива союза со слабыми в военном отношении Филиппинами. Предпочтительным вариантом для них был бы трехсторонний договор, возможность заключения которого обсуждалась еще в октябре 1950 г.

Наиболее сильным противником пакта оказалась Великобритания, участие которой в нем изначально вообще не предусматривалось. В Госдепартаменте полагали, что ее включение в региональную структуру приведет к тому, что затем этого пожелают Франция и Нидерланды, в результате она окажется слишком «колониальной». Со своей стороны, британское правительство не хотело ничего слушать об организации, которая оставляла бы Англию за бортом⁸⁰. В конечном итоге оно согласилось на трехсторонний формат с участием США, Австралии и Новой Зеландии⁸¹. В то же время трудности, возникшие при обсуждении пакта, привели к тому, что интерес к нему американской стороны заметно остыл. По мнению Даллеса, основу системы безопасности на Дальнем Востоке должен составлять американо-японский тандем. В одной из своих записок в начале марта 1951 г. он писал: «Соединенные Штаты и Япония являются единственными весомыми центрами силы на Тихом океане, мы фактически, а они потенциально. Если мы сможем наладить совместную работу, менее крупные тихоокеанские державы обретут безопасность и рано или поздно, формально или неформально, одобряют это соглашение. Если Соединенные Штаты и Япония разойдутся, то ситуация в западной части Тихого океана будет тяжелой в течение долгого времени»⁸².

⁷⁷ *Welfield J.* An Empire in Eclipse: Japan in the Postwar American Alliance System. London, 1988, p. 51.

⁷⁸ Memorandum by Mr. Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, Canberra, February 17, 1951. — FRUS, 1951, v. VI, p. 170.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 171.

⁸⁰ The United States Political Adviser to SCAP (Sebald) to the Secretary of State, Tokyo, February 2, 1951. — *Ibid.*, p. 144.

⁸¹ *Ovendale R.* The English — Speaking Alliance: Britain, the United States, the Dominions and the Cold War, 1945–1951. London, 1985, p. 232–233.

⁸² Mr. John Foster Dulles, Consultant to the Secretary, to the Supreme Commander for Allied Powers (MacArthur), Confidential, March 18, 1951. — FRUS, 1951, v. VI, p. 931.

Прекрасно сознавая невозможность создания многостороннего пакта, Даллес в ходе февральской встречи с министрами иностранных дел Австралии и Новой Зеландии для описания вероятной «архитектуры» безопасности в Азии впервые использовал образное сравнение «втулка и спицы» (hub-and-spoke)⁸³. Качественной характеристикой такой системы являлось наличие безусловного лидера в лице США («втулка»), вокруг которых формировалась сеть двусторонних альянсов («спицы»). По возвращении в Америку Даллес сообщил Трумэну, что, по его мнению, двусторонние оборонительные союзы на Дальнем Востоке предпочтительнее организации типа НАТО. С его выводом полностью солидаризировались главы внешнеполитического и оборонного ведомств, которые в меморандуме президенту указывали: «Рассмотрение этого вопроса [Тихоокеанского пакта. — А. С.], особенно в ходе визитов посла Даллеса в Японию, на Филиппины, в Австралию и Новую Зеландию, показало, что желаемые результаты скорее могут быть достигнуты серией договоренностей, а не единым соглашением... Считается, что три предполагаемых соглашения — с Японией, Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией — и, возможно, еще одно с Индонезией, на самом деле достигают того, что в Вашем письме от 10 января 1951 г. описывается как “двойная цель обеспечения совместных действий членов по отражению внешней агрессии и также по отражению нападения одного из членов, например, Японии, если Япония вновь станет агрессивной”»⁸⁴.

Таким образом, судьба многостороннего Тихоокеанского пакта, возглавляемого Соединенными Штатами и построенного по образцу и подобию Североатлантического альянса, была предreshена. Его место заняла система двухсторонних соглашений и «малых договоров» по безопасности, ни один из которых не мог сравниться с НАТО ни по числу участников, ни по глубине принятых ими на себя обязательств. 30 августа 1951 г. в Вашингтоне был подписан американо-филиппинский договор, через день в Сан-Франциско — трехсторонний договор между США, Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС), который называли «Тихоокеанским пактом безопасности». 8 сентября там же, через несколько часов после заключения мирного договора с Японией, Д. Ачесон и С. Ёсида поставили свои подписи под американо-японским Договором безопасности. Практически в каждом из указанных соглашений содержался намек на желательность образования в будущем более широкого союза⁸⁵. В совокупности заключенные в Сан-Франциско договоры способствовали структурированию транстихоокеанских отношений, а созданный ими политико-экономический порядок получил название «сан-францисской системы».

В первой половине 1950-х годов она была дополнена соглашениями безопасности США с Южной Кореей, Тайванем и Южным Вьетнамом⁸⁶. Система строилась на двусторонней основе по схеме «втулки и спиц». Единственным исключением из общего правила стал Договор коллективной защиты Юго-Восточной Азии (СЕАТО), или Манильский пакт, подписанный США, Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом, Филиппинами и Пакистаном 8 сентября 1954 г. Хотя первоначальный замысел предполагал образование альянса наподобие НАТО, договор СЕАТО сильно отличался от своего прототипа. В нем не было положений ни о принципе коллективной обороны, ни об объединенном командовании. США категорически отказались включать в договор какое-либо упоминание об экономической

⁸³ *Mabon D. W.* Op. cit., p. 164.

⁸⁴ Draft Memorandum for the President Attachment, Secretary of State to Secretary of Defense (Marshall), Secret, April 5, 1951. — FRUS, 1951, v. VI, p. 184–185.

⁸⁵ *Press-Barnathan G.* Op. cit., p. 37–38.

⁸⁶ *Calder K. E.* Pacific Defense: Arms, Energy, and America's Future in Asia. New York, 1996, p. 151–152, 174–175, 195.

и военной помощи⁸⁷. В отличие от Тихоокеанского пакта, в СЕАТО вошли европейские державы, тогда как за ее бортом остались многие азиатские страны, и сфера ее ответственности охватывала Индокитай, т.е. распространялась на материковую часть Азии.

* * *

С конца Второй мировой войны Соединенные Штаты играли центральную роль в создании послевоенной «архитектуры» Дальнего Востока, но не были готовы связывать себя обязательствами по оборонительным соглашениям со странами региона. Ключевым фактором являлось отсутствие там непосредственных угроз безопасности США. Положение изменилось, когда на фоне общего обострения советско-американских отношений был нарушен баланс сил между двумя сверхдержавами. В качестве главного разрушителя ялтинской системы в регионе выступил не Советский Союз, а многомиллионный Китай. Образование КНР и сближение ее с СССР, наряду с ростом повстанческих движений в Юго-Восточной Азии, обусловили обращение Вашингтона к стратегии «сдерживания». Если в Европе толчком к созданию НАТО явился Берлинский кризис, то в Азии стимулом к структуризации биполярного противостояния стала Корейская война, завершившая перерастание европейской «холодной войны» в глобальную.

Вступив в борьбу с коммунизмом в Восточной Азии, администрация Г. Трумэна озабочилась поиском союзников и формированием военно-политических альянсов в регионе. Стратегическая необходимость, обусловленная боевыми действиями в Корее, и политические расчеты, связанные с желанием включить в региональное уравнение Японию, побудили американское правительство обратиться к идее многостороннего Тихоокеанского пакта, которую оно долгое время отвергало. Однако проект потерпел неудачу из-за стремления Великобритании сохранить свое влияние в регионе, опасений Австралии и Новой Зеландии относительно восстановления мощи Японии и наличия у Вашингтона альтернативного варианта в виде двусторонних соглашений. Сан-францисская система смогла обеспечить постоянное американское присутствие в Азии. Благодаря ей вместо «исторического» Дальнего Востока появился современный Азиатско-Тихоокеанский регион, политический смысл существования которого заключался в «соединении» Америки и Восточной Азии, подобно тому, как «изобретенный» после войны Североатлантический регион объединил США с западноевропейскими странами. В итоге идея «тихоокеанского НАТО» так и не была материализована.

Библиография

- Воронцов В. Б. Тихоокеанская политика США 1941–1950. М., 1967.
История дипломатии. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. Под ред. А. А. Громыко и др., изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1965.
Левтонова Ю. О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980.
Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007.
Уткин А. И. США Япония: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.
Acharya A. Why Is There No NATO in Asia? The Normative Origins of Asian Multilateralism. Weatherhead Center for International Affairs. Working Paper № 05-05. p. 1–54. — https://wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/1049_why_no_asian_nato_final.pdf (дата обращения 25.10.2019).
Barclay G. St. J. Australia Looks to America: The Wartime Relationship, 1939–1942. — Pacific Historical Review, 1977, № 3, p. 251–271.

⁸⁷ Buszynski L. SEATO: The Failure of an Alliance Strategy. Singapore, 1983, p. 16–17.

- Buszynski Leszek*. SEATO: The Failure of an Alliance Strategy. Singapore, 1983.
- Calder K. E.* Pacific Defense: Arms, Energy, and America's Future in Asia. New York, 1996.
- Cha V. D.* Power-play: Origins of the U. S. Alliance System in Asia. — *International Security*, 2009/10, № 3, p. 158–196.
- Crabb Cecil*. The Elephants and the Grass: A Study of Non-Alignment. New York, 1967.
- Dulles John Foster*. War or Peace. New York, 1950.
- Gaddis John L.* The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. New York, 1987.
- Hemmer Ch., Peter J. Katzenstein*. Why is there no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. — *International Organization*, Summer 2002, p. 575–607.
- Hogan Ashley*. Moving in Open Daylight: Doc Evatt, an Australian at the United Nations. Sydney, 2008.
- Junghyun Park*. Frustrated Alignment! The Pacific Pact Proposals from 1949 to 1954 and South Korea-Taiwan Relations. — *International Journal of Asian Studies*, 2015, № 2, p. 217–238.
- Kai He Huiyun Feng*. Why is there no NATO in Asia? Revisited: Prospect Theory, Balance of Threat, and US Alliance Strategies. — *European Journal of International Relations*, June 2012, p. 227–250.
- Kelly Andrew*. ANZUS and the Early Cold War: Strategy and Diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956. Cambridge (UK), 2018.
- Kennan George F.* Memoirs, 1950–1963. New York, 1972.
- Mabon D. W.* Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951. — *Pacific Historical Review*, May 1988, p. 147–177.
- McIntyre W. David*. Background to the ANZUS Pact: Policy-Making, Strategy and Diplomacy, 1945–55. New York, 1995.
- Meyer Milton W.* A Diplomatic History of the Philippine Republic. Hawaii, 1965.
- Nester W. R.* The Reverse Course, 1947–1952. — *Power across the Pacific: A Diplomatic History of American Relations with Japan*. London, 1996, p. 224–260.
- Oliver Robert T.* Syngman Rhee and American Involvement in Korea, 1942–1960: A Personal Narrative. Seoul, 1978.
- Ovendale R.* Britain and the Cold War in Asia. — *The Foreign Policy of the British Labour Governments, 1945–1951*. Ed. by Ritchie Ovendale. Leicester, 1984.
- Ovendale R.* The English – Speaking Alliance: Britain, the United States, the Dominions and the Cold War, 1945–1951. London, 1985.
- Press-Barnathan G.* Organizing the World: The United States and Regional Cooperation in Asia and Europe (Studies in International Relations), 1st Edition. New York, 2003.
- Schonberger H. B.* Aftermath of War: Americans and the Remaking of Japan, 1945–1952. Kent (Ohio), 1989.
- Thompson S.* The United States and Southeast Asian Regionalism: Collective Security and Economic Development, 1945–1975. New York, 2019.
- Walt S. M.* The Origins of Alliances. Ithaca, 1987.
- Welfield J.* An Empire in Eclipse: Japan in the Postwar American Alliance System. London, 1988.
- Zhihua Sh.* Sino-Soviet Relations and the Origins of the Korean War: Stalin's Strategic Goals in the Far East. — *Journal of Cold War Studies*, 2000, № 2, p. 45–51.

References

- Acharya A.* Why Is There No NATO in Asia? The Normative Origins of Asian Multilateralism. Weatherhead Center for International Affairs. Working Paper № 05-05, p. 1–54. — https://wcfa.harvard.edu/files/wcfa/files/1049_why_no_asian_nato_final.pdf (access date 25.10.2019).
- Barclay G. St. J.* Australia Looks to America: The Wartime Relationship, 1939–1942. — *Pacific Historical Review*, 1977, № 3, p. 251–271.
- Buszynski Leszek*. SEATO: The Failure of an Alliance Strategy. Singapore, 1983.
- Calder K. E.* Pacific Defense: Arms, Energy, and America's Future in Asia. New York, 1996.
- Cha V. D.* Power-play: Origins of the U. S. Alliance System in Asia. — *International Security*, 2009/10, № 3, p. 158–196.
- Crabb Cecil*. The Elephants and the Grass: A Study of Non-Alignment. New York, 1967.
- Dulles John Foster*. War or Peace. New York, 1950.
- Gaddis John L.* The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. New York, 1987.

Hemmer Ch., Katzenstein P. J. Why is there no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. — International Organization, Summer 2002, p. 575–607.

Hogan Ashley. Moving in Open Daylight: Doc Evatt, an Australian at the United Nations. Sydney, 2008.

Junghyun Park. Frustrated Alignment! The Pacific Pact Proposals from 1949 to 1954 and South Korea-Taiwan Relations. — International Journal of Asian Studies, 2015, № 2, p. 217–237.

Kai He Huiyun Feng. Why is there no NATO in Asia? Revisited: Prospect Theory, Balance of Threat, and US Alliance Strategies. — European Journal of International Relations, June 2012, p. 227–250.

Kelly Andrew. ANZUS and the Early Cold War: Strategy and Diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956. Cambridge (UK), 2018.

Kennan George F. Memoirs, 1950–1963. New York, 1972.

Levonova Yu. O. History of the Philippines. Short Essay. Moscow, 1979. (In Russ.)

Mabon D. W. Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951. — Pacific Historical Review, May 1988, p. 147–177.

Malakhovsky K. V. History of Australia. Moscow, 1980. (In Russ.)

McIntyre W. David. Background to the ANZUS Pact: Policy-Making, Strategy and Diplomacy, 1945–55. New York: St. Martin's of Macmillan, 1995.

Meyer Milton W. A Diplomatic History of the Philippine Republic, Hawaii, 1965.

Molodyakov V. E., Molodyakova E. V., Markaryan S. B. History of Japan. XX Century. Moscow, 2007. (In Russ.)

Nester W. R. The Reverse Course, 1947–1952. — Power across the Pacific: A Diplomatic History of American Relations with Japan. London, 1996, p. 224–260.

Oliver R. T. Syngman Rhee and American Involvement in Korea, 1942–1960: A Personal Narrative. Seoul, 1978.

Ovendale R. Britain and the Cold War in Asia. — The Foreign Policy of the British Labour Governments, 1945–1951. Ed. by Ritchie Ovendale. Leicester, 1984.

Ovendale R. The English – Speaking Alliance: Britain, the United States, the Dominions and the Cold War, 1945–1951. London, 1985.

Press-Barnathan G. Organizing the World: The United States and Regional Cooperation in Asia and Europe (Studies in International Relations), 1st Edition. New York, 2003.

Schonberger H. B. Aftermath of War: Americans and the Remaking of Japan, 1945–1952. Kent (Ohio), 1989.

The History of Diplomacy. T. 3. Diplomacy at the First Stage of the General Crisis of the Capitalist System. Ed. A. A. Gromyko et al. Moscow, 1965. (In Russ.)

Thompson S. The United States and Southeast Asian Regionalism: Collective Security and Economic Development, 1945–1975. New York, 2019.

Utkin A. I. USA Japan: Yesterday, Today, Tomorrow. Moscow, 1990. (In Russ.)

Vorontsov V. B. Pacific Policy of the USA 1941–1950. Moscow, 1967. (In Russ.)

Walt S. M. The Origins of Alliances. Ithaca, 1987.

Welfield J. An Empire in Eclipse: Japan in the Postwar American Alliance System. London, 1988.

Zhihua Sh. Sino-Soviet Relations and the Origins of the Korean War: Stalin's Strategic Goals in the Far East. — Journal of Cold War Studies, 2000, № 2, p. 45–51.